
Никонов В.А.*

Соединенные Штаты Америки

Продолжение. Начало в № 3, 2013.

Эта линия водораздела – по вопросу о роли государства – положила основания и для идеологии первых политических партий, существование которых отцам-основателям первоначально представлялось ненужным. В XVIII веке в партиях вообще не видели проку нигде в мире, даже в Англии тори и вигов называли фракциями, что звучало тогда как синоним безответственной клики. Руссо во Франции обличал «группы интриганов и объединения фанатиков». В революционной Америке доминировавшая философия гражданского республиканизма ставила общественное благо выше групповых и личных интересов. Джефферсон уверял, что если бы ему «нашлось место в раю лишь как члену какой-либо партии, то предпочел бы отказаться от рая». Ни на колониальных ассамблеях, ни на Континентальном конгрессе партий не возникало, не были они упомянуты и в Конституции. Первый президент Джордж Вашингтон не был партийным кандидатом. В своем прощальном послании нации он «самым торжественным образом» предостерег от «тенденции к созданию партий, – тенденции, ведущей к самым пагубным последствиям». Но именно в годы президентства Вашингтона партии де-факто возникли. Сам первый глава государства склонялся к федералистам – сторонникам сильной центральной власти во главе с министром финансов Гамильтоном, которого упрекали в монархических замашках и аристократическом снобизме. Оппозиция этому курсу в конгрессе и внутри самой администрации стала основой для формирования партии джефферсоновских республиканцев – широкой и парадоксальной коалиции, которая находилась под эгидой плантаторской верхушки, претендовавшей на титул защитника интересов простого народа от посягательств привилегированного меньшинства. Идеологическим общим знаменателем такой коалиции

---

* **НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич** – председатель Комитета по образованию Государственной Думы РФ, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель правления фонда «Русский мир», доктор исторических наук.

служили, отмечает видный американист Владимир Печатнов, «известные идеалы «джефферсоновской демократии» – демократической республики фригольдеров, основанной на принципах индивидуальной свободы и равноправия (по крайней мере, для белого мужского населения), минимального государственного вмешательства, местного самоуправления и неотъемлемых прав штатов»¹⁷. В 1800 году Джефферсон победил на президентских выборах, положив начало чередованию партий у власти. Именно от джефферсоновских республиканцев – с 1792 года, отсчитывает свою родословную современная демократическая партия США, хотя, строго говоря, ее название впервые официально появилось во время избирательной кампании Эндрю Джексона тремя десятилетиями позже.

Партии становились важнейшими связующими инструментами между гражданским обществом и государством, выразителями многообразия социальных интересов и форм собственности. Они также оказались весьма полезны как общенациональные институты, противостоявшие местничеству и сепаратизму, выступая, по выражению известного исследователя американской политики XIX Генри Джона Форда, «последними хранителями государственного единства»¹⁸. Партии оказались также весьма полезными в качестве связующих звеньев, приводных ремней между разделенными ветвями государственной власти, обеспечивая единство и согласованность их функционирования.

В период до Гражданской войны 1861-1865 годов федералистская линия на государственное вмешательство, на подстегивание индустриализации была преобладающей. Североамериканский континент, казавшийся первым переселенцам из Старого Света необъятным, с 1840-х годов прорезали нити железных дорог, многочисленные каналы. Их строительство было бы немислимо без государственного финансирования. За столетие с небольшим Соединенные Штаты сумели превратиться из небольших прибрежных колоний, в экономическое и культурное целое.

«Процесс становления этого современного гиганта вобрал в себя все возможные проявления человеческого духа — героизм, войну на истребление, насилие, идеализм, алчность, самоотверженность, – увеличенные до невероятных масштабов. Освобождение от всего, что стесняло их на родине, обернулось для миллионов европейских иммигрантов источником и благоприятных возможностей, и новой эксплуатации; но при том, что коррупция, геноцид и безудержная жажда наживы составляли неотъемлемую характеристику

героической эпохи американской истории, это огромное, не укладывающееся в привычные рамки бурление человеческой активности породило совершенно новую культуру – культуру, давшую голос людям, с рождения обреченным жить в мире машин, работы от звонка до звонка и обезличенного городского быта»¹⁹. Коллективистское побуждение делиться и отдавать, взаимная заинтересованность и поддержка, с одной стороны, и безоглядное стремление заработать как можно – с другой. Феномен Дикого Запада во многом вырос из этих полярных импульсов.

Рабовладение и Гражданская война

В 1820 году Томас Джефферсон писал о рабстве: «Этот существеннейший вопрос, подобно пожарному колоколу посреди ночи, будил меня и переполнял ужасом. Однажды я услышал в нем похоронный звон по нашему Союзу». Число рабовладельцев к середине XIX века составляло лишь около 380 тысяч человек. Но система рабства лежала в основе всего южного общества, владение рабами сделалось для белых жителей естественной частью быта. Рядовые граждане держали рабов как прислугу и поваров, строителей и чернорабочих. Сфера использования рабского труда только расширялась. Промышленная революция в Англии положила начало неисчерпаемому, как казалось, спросу на американский хлопок: его производство с 1820 года удваивалось каждые десять лет, и в 1860 году стоимость вывозимого хлопка вдвое превышала объем остального американского экспорта. Спрос на хлопок привел к скачку численности рабов – с 800 тысяч в 1776 году до 1,5 миллиона в 1820 году и 4 миллионов в 1860 году. Помимо прибылей от хлопка, сахарного тростника и табака, южане неплохо зарабатывали и на самой работорговле. Принимались законы, не позволявшие либерально настроенным рабовладельцам делать послабления для рабов или отпускать их свободу. Для черных предусматривались жестокие наказания, и ни один белый не испытал неприятности за истязание раба. В то время как рабство исчезало по всему миру, американский Юг все больше рассматривал себя особым регионом планеты с отличной от северных штатов культурой, и сопротивлялся любому вмешательству в свои внутренние дела, апеллируя к джефферсоновской доктрине прав штатов.

Вместе с тем, с промышленным переворотом и бурным развитием товарного аграрного хозяйства внутренний рынок страны оказывался все менее способным поглощать растущий объем продукции. Следовавшие один за другим экономические кризисы приводили к

резкому падению цен. В этих условиях экспансия территориальная, экономическая, торговая стала рассматриваться как императив здорового развития общества. Аграрное большинство требовало новых земель. Промышленность жаждала расширения рынков. Рабовладельцам Юга новые территории нужны были для сохранения экстенсивной системы плантационного хозяйства. Идея экспансии была подхвачена лидерами демократической партии, в которой неуклонно усиливалось влияние южного рабовладельческого крыла, стремившегося к расширению зоны рабства за счет земель не только Мексики и Кубы, но и американского Среднего Запада, где началось столкновение северного и южного переселенческих потоков.

Северяне (янки) не были сторонниками рабства, но и не были готовы жертвовать жизни за его отмену: фабрики Северо-Востока неплохо зарабатывали на производстве одежды и обуви из сырья, получаемого с Юга, который выступал и хорошим рынком сбыта для готовой продукции. Настроения меняла иммиграция. На тех же пароходах, что доставляли их в Америку, северяне-иммигранты, нередко сами являвшиеся жертвами преследований у себя на родине, могли видеть в цепях и кандалах партии черных рабов. Конфронтация между южной традицией, в которой рабовладение было неотъемлемой частью, и северной, представлявшей Америку свободной страной, только нарастала. Торгово-финансовый Северо-Восток с большим подозрением относился к развертыванию рабовладельческой экспансии. В 1850-е годы США стремительно приближались к тому моменту, когда назревавший долгие годы конфликт плантаторов-рабовладельцев Юга с Севером должен был неминуемо вырваться наружу.

Возникновение республиканской партии в 1854 году явилось логическим итогом нараставшего движения за ограничение – не отмену – зоны распространения рабовладения. Победа ее кандидата Авраама Линкольна на выборах 1860 года спровоцировала конфликт. Штаты Юга объявили о сецессии и образовании независимой Конфедерации со столицей в Ричмонде (Виргиния). Новость была встречена на Севере с изумлением, а приходившие с юга вести о глумлениях над звездно-полосатым флагом вызывали шок. Союз уже был к тому времени символом американской жизни, пиетет перед которым с детства воспитывался на уроках истории, в церквах, через ритуал Дня независимости. Для северян отделение Юга и его поведение означали непоправимый урон для идеалов, на которых основана страна, и предательство всего, за что должен стоять настоящий американец.

Авраам Линкольн принял вызов: «Дом, разделенный против себя, не устоит. Я верю, что это правление неспособно продержаться долго, будучи наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Я не жду, что Союз распадется, я не жду, что дом падет, – но я жду, что он перестанет быть разделенным. Он станет либо целиком одним, либо целиком другим». Линкольн объявлял войну схваткой, в которой решается вопрос, «потеряем ли мы или с честью спасем последнюю лучшую надежду человечества»²⁰ в лице единых Соединенных Штатов.

Гражданская война между Севером и Югом, самая кровопролитная в истории США, начиналась как сражение за Союз. Но, чтобы добиться победы, в конце 1862 года Линкольн объявил рабство вне закона, а рабов свободными. Президент предоставил южным штатам возможность избежать действия закона, если до 1 января 1863 года они отменят решение о выходе из Союза. Ни один штат этой любезностью не воспользуется. Конгресс поддержал президента, и Прокламация об освобождении была принята как закон. Теперь рабы убегали с плантаций, в том числе, чтобы сражаться в армии северян. К концу войны там насчитывалось до 180 тысяч чернокожих солдат. Юг, где не было собственной промышленности, в том числе, военной, был обречен.

Но расовый вопрос так и не был решен Гражданской войной.

Система сегрегации и решение индейского вопроса

По словам историка Уильяма Джилетта, в то время «большинство белых американцев были на сто процентов убеждены в превосходстве собственной расы». В таких условиях попытки обеспечить равноправие негров (или индейцев) были обречены на провал. «Белые рассматривали негров как представителей низшего порядка, которые в лучшем случае пока не готовы, а в худшем и вовсе не способны принимать полноценное участие в жизни страны. Минувшая война никак не связывалась в глазах белых северян с борьбой за освобождение чернокожих рабов, посему все попытки даровать неграм равные права наталкивались на непонимание и раздражение. Южане и вовсе рассматривали эту затею как прямой вызов своим принципам и традициям»²¹, – подчеркивал Макинерни. Ответом южан стала созданная в 1866 году военизированная организация под названием Ку-клукс-клан.

После окончания Реконструкции стала складываться система расовой сегрегации. Верховный суд в 1883 году постановил, что федеральная администрация не имеет права налагать запрет на

сегрегацию со стороны частных лиц, в 1896 году подтвердил права штатов на сегрегацию мест общего пользования, а в 1899 году позволил штатам строить новые школы только для белых. После этого большинство южных штатов ввело сегрегацию в общественных учреждениях, поездах, школах, общественном транспорте и приняло законы, запрещающие контакты между белыми и черными и фактически отстранившие афроамериканцев от голосования. В 1900 году 77 процентов афроамериканцев по-прежнему проживали в аграрных областях Юга. Сегрегация вынудила многих из них отправиться на Север. С 1913 по 1919 год около полумиллиона афроамериканцев переехали на жительство в города Севера – этот поток не иссякал до самой Второй мировой войны. «В первой половине XX века черные и белые южане рождались в разных больницах, учились в разных школах, сочетались браком в разных церквях, обретали вечный покой на разных кладбищах, и каждый автобус, школа, закусочная, пансионат, приемная, больница, тюрьма и фонтанчик с питьевой водой были либо для белых, либо для черных, и никогда для тех и других вместе. Американская общественная жизнь скатилась до такого уровня, что в 20-х годах XX века афроамериканцы лишились доступа в публичные здания на территории столичного округа Колумбия – в число которых входил мемориал Авраама Линкольна»²².

Формальное разрушение системы сегрегации относится только к 1960-м годам, когда афроамериканское население получило гражданские права по настоянию демократических администраций Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Считать, что расовый вопрос в современной Америке полностью решен – даже после избрания Барака Обамы президентом США – нельзя.

Куда более печально сложилась судьба коренных обитателей Нового Света. Английские колонисты поначалу имели добрые намерения в отношении коренных американцев. Первой крупной проблемой аборигенов стали новые для них болезни – грипп, краснуха, чума, которые унесли сотни тысяч жизней. Затем потребовалась земля. Заселение превратилось в достаточно легкое, учитывая военное превосходство, завоевание (в отличие от французского заселения, которое было мирным). Население 13-ти первоначальных штатов к моменту обретения независимости составляло 2,5 млн. человек, индейцев в Северной Америке насчитывалось все еще более 6 млн. из первоначальных 12-ти. (Сегодня менее 1 млн.). Добропорядочные колонисты презирали тех, кто жил торговлей с коренным населением. Пока переселенцы

держались восточных прибрежных земель, особых проблем не возникало. Но как только они отправились в необъятное и незнакомое пространство Запада, где каждый город был в точности похож на другой, где ни история, ни культура не связывали с местом жизни, ощущение неприкаянности, оторванности от корней подталкивало к расправе над людьми, имевшими корни в той земле. Настоящими разрушителями традиционной Америки оказались фермеры.

Массовый геноцид коренных американцев начался после Гражданской войны. Генерал Карлтон, решивший очистить юго-запад для поселений, отдал приказ: «...Эти люди должны уничтожаться везде и всегда, как только их обнаруживают»... В 1865 году армия получила приказ отчистить от индейских племен Великие равнины. Шайенны, арапахо и сиу под предводительством Красного Облака, организовали сопротивление, вынудив правительство выделить им территорию в 500 тысяч квадратных миль. Тогда власти приступили к уничтожению стад бизонов, разрушая основу индейского образа жизни. В 1870 году на равнинах Запада паслось около 15 миллионов бизонов; десятилетие спустя их осталось максимум несколько сотен. Равнины были расчищены для фермеров. «В 1868 году договор, заключенный с сиу, отдал им священный для племени горный район Блэк-Хиллс в вечное проживание, – описывает злоключения индейцев Роджер Осборн. – Однако в 1874 году в этих горах было открыто золото, и правительство Соединенных Штатов приказало сиу продать свою землю и переселиться в более скромные восточные резервации. Сам вождь бежал в Канаду, но был возвращен, чтобы провести остаток жизни фактически под контролем властей. Сенатор Джон Логан прилюдно поучал его: «У тебя нет ни сторонников, ни власти, ни управления... Теперь правительство дает пищу, одежду и образование твоим детям, и желает научить вас фермерству, цивилизации, сделать, наконец, вас такими же, как белые люди».

Это была история, старая как сама западная цивилизация. Подобно арианам, язычникам, катарам, английским крестьянам, инкам, мексиканцам и ирландским христианам прошлого, коренные американцы были вынуждены либо соответствовать строго определенной идее цивилизованного существования, либо жить в качестве пленников или слуг у тех, кто ее олицетворял. Альтернативы не существовало – западная цивилизация не могла себе представить, что такое соседствовать с обществами другого типа на равных условиях.

В конце 1880-х годов индейцы сиу и прочих племен опять проявили непокорность, вдохновляемые новым духовным вождем,

который проповедовал ненасильственное сопротивление в виде обряда так называемой Пляски духов. Она должна была призвать Великого духа покончить с белыми и со всем злом, которое они принесли. Их настигли, взяли в плен и привели в лагерь, разбитый вблизи ручья Вундед-Ни в Южной Дакоте. Бойня у Вундед-Ни стала символическим финальным актом уничтожения коренного американского образа жизни. «Никогда во время всех последующих войн и кризисов право западной цивилизации повелевать Америкой уже не оспаривалось»²³.

Создание великой державы

Гражданская война многократно увеличила государственные заказы и рынок капиталов, способствуя созданию первых крупных частных состояний за пределами плантационного рабства, основа которого была подорвана. Поднимающийся капиталистический класс продиктовал направления экономической политики: протекционизм и отказ от госрегулирования внутри страны. «Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, – писал Брайс в 1888 году, – то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов».

За полвека после 1865 года массовая иммиграция, заселение Запада и рост городов создали современную континентальную державу. Всего двух поколений хватило, чтобы в стране с преобладающей аграрной экономикой развилось урбанизированное индустриальное общество. В 1870-1880-е годы с востока на запад было проложено четыре железнодорожных магистрали, и еще три пересекли позже всю территорию Канады. Была решена проблема доставки скота с отдаленных пастбищ Америки на скотобойни: его перегоняли к ближайшему конечному пункту железнодорожной линии в Абилине или Вайоминге, откуда в вагонах переправляли в чикагские скотные дворы. Родилась фигура ковбоя – в кинематографе искусного стрелка и завсегда́тая салунов. На деле это были малообщительные одиночки, проводившие жизнь в седле вдали от обитаемых мест, а эра ковбоев была короткой и уложилась между окончанием Гражданской войны и 1890-ми годами, когда железнодорожная сеть опутала всю страну и началось массовое огораживание пастбищ. Пароходы сменили парусники на основных трансокеанских маршрутах – время в пути сократилось вдвое, надежность перевозок выросла многократно. В 1914 году завершилось

строительство Панамского канала, соединившего Атлантику с Тихим океаном.

Во время Гражданской войны правительство ввело импортные пошлины с целью покрытия военных расходов. После нее пошлины превратились в механизм протекционизма, который действовал до тех пор, пока американская промышленность не заняла доминирующего положения в мире. Доводы в пользу свободы торговли до времени не вдохновляли американский бизнес, росший за стеной торговых барьеров. Антимонопольное законодательство, способное поддерживать конкуренцию, отсутствовало. Суды почти автоматически выносили решения в пользу предпринимателей против профсоюзов, кредиторов против должников, железнодорожных компаний против фермеров, недовольных изъятием у них земель. Американский вариант *laissez-faire* допускал государственную помощь бизнесу, но исключал вмешательство правительства в его деятельность. Правительство, развивая сеть железных дорог, выделяло железнодорожным компаниям деньги и землю, а те, наживаясь на правительственных контрактах, сбывали с огромной прибылью прилегающие к полотну участки и подкупали политиков. Эндрю Карнеги скупил большинство американских месторождений угля и железной руды, которыми обеспечивал исключительно собственные предприятия, которые производили 70% американской стали, фактически закрыв отрасль для остальных. В 1901 году он продал свой бизнес Дж. П. Моргану. Монополию представляла собой и принадлежавшая семье Рокфеллеров нефтяная компания «Стэндард Ойл».

Это был период «баронов-грабителей», которые доминировали в бизнесе. Крупнейшие города являли собой средоточие преступности, коррупции и бедности (вспомните очень реалистичный фильм «Банды Нью-Йорка»), но ничто не могло смутить миллионы иммигрантов, которые приезжали в страну, почитаемую как царство возможностей. Если в 1882 году около 90% иммигрантов по-прежнему являлись выходцами с севера и запада Европы, то уже к 1907 году 80% процентов прибывали с юга и востока Старого Света. Обычай, даже язык, которые воспринимались как незыблемые столпы американского общества, уступили место калейдоскопу культур и наречий. При этом иммигранты стремились держаться ближе друг к другу, воссоздавая в кварталах крупнейших городов США обычаи своей родины. Отсюда калейдоскоп этнических сообществ — итальянских, ирландских, польских, еврейских, русских.

Вера в способность любого человека достичь вершин жизненного успеха питалась непрерывным экономическим подъемом. Накануне Гражданской войны общая стоимость товаров, произведенных в Соединенных Штатах, составляла 1,6 млрд. долларов; а в 1899 году – 13 млрд., что сделало их крупнейшей экономикой мира.

Сплочению новой американской нации немало способствовал такой фактор, как национальная пресса и распространение массовой культуры. В Европе газеты возникли в среде образованного дворянства и отражали взгляды правящих верхов. Американская пресса имела традицию независимого и критического отношения к власти еще со времен Бенджамина Франклина и его «Филадельфия газетт». Джозеф Пулитцер, владелец «Сент-Луис пост диспэтч» и «Нью-Йорк уорлд», был иммигрантом из Венгрии, который начинал простым репортером. Главный газетный магнат Уильям Рэндолф Херст, создавший желтую прессу (хотя у него работали Марк Твен и Джек Лондон), был сыном миллионера, поднявшегося с низов и сколотившего состояние на добыче угля и скотоводстве. Массовая пресса скрепляла многонациональную страну единым языком и культурой, выработав отличительный американский стиль – скептический, оптимистический, романтический, патриотический, пафосный и тут же сухо высмеивающий чрезмерный пафос.

В конце XIX-начале XX века начали развиваться такие технологии, как механическое копирование изображений, фотография, телефон, кинематограф, радио, телевидение. Многие из них были изобретены в Европе, но получили массовое применение именно в Соединенных Штатах, став их отличительной особенностью. С 1913 года началось активное строительство кинотеатров и к 1926 году их насчитывалось уже 20 тысяч, а еженедельная посещаемость их превысила 100 миллионов человек – почти половину населения страны. Киноиндустрию создали, в первую очередь, евреи – выходцы из России. Первоначально отрасль базировалась в Нью-Йорке, однако его климат был слишком капризным для съемок. С 1907 года фильмы начали снимать в окрестностях Лос-Анджелеса, где в 1911 году компания под названием «Нестор» построила первую постоянную студию к северо-западу от города. Через десять лет в районе Голливуда существовало 760 студий, производивших не менее 80 процентов кинокартин на планете.

Другим мощным культурным инструментом выступила звукозапись. В Европе обычно записывали популярные оперные арии и классическую музыку. Америка пошла своим – парадоксальным – путем, не в последнюю очередь, из-за... сегрегации.

Афроамериканцам не были доступны занятия живописью, архитектурой, литературой или кинематографом, но у них были музыкальные инструменты, на которых они исполняли песни в странном стиле, называемом блюзом. Бесконечные вариации внутри и вокруг базовой темы в сочетании с эмоциональностью исполнения, становились преобладающими чертами западной музыки XX века. Нью-Орлеан стал местом рождения джаза, а негритянские исполнители Смит или Армстронг стали первыми настоящими джазовыми звездами. Усилиями таких белых композиторов, как Ирвинг Берлин и Джорджа Гершвин на основе блюза, джаза и рэгтайма создавал новый тип популярной музыки и песни. В Техасе и на остальном Юге белые исполнители – вроде Джимми Роджерса – начали перенимать приемы своих черных коллег, и так родилось кантри – белая версия блюза, перемежаемая народными танцевальными мелодиями. Сентиментальная любовная песня – бродвейская, ковбойская или свинговая – превратилась в подлинный гимн Америки и стала завоевывать мир.

«Единообразие американской жизни, поддерживаемое одними и теми же фильмами, музыкой, журналами, газетами и потребительской продукцией, дало американским производителям огромные преимущества и сделало доступным для граждан Соединенных Штатов изобилие дешевых товаров, – подчеркивает Осборн. – Богатство корпораций и их первостепенное значение для национальной экономики оборачивались ростом их политического влияния, а новые методы рекламы – ростом влияния на потребителей. По сравнению с Америкой в Европе подобная ситуация складывалась достаточно медленно, ибо здесь по-прежнему сохраняли свою силу традиционные финансовые структуры и потребительские привычки. Лишь после Второй мировой войны Европа смогла на собственном опыте познакомиться с могуществом американских корпораций и американской культуры.

Убежденные также в особом предназначении своей страны, в том, что она выступает силой на стороне добра, многие из них уже ничем принципиально не отличались от своих выдающихся предшественников в Афинах, Риме, Париже и Лондоне. Можно заметить, что у них было даже больше оснований для культивирования подобного благородного мифа, чем когда-то у европейцев. Граждан Соединенных Штатов не сплывали узы крови или истории, им требовалась объединяющая идея – и их страна стала воплощенным идеальным видением, сияющим «градом на холме». Американское общество отличал не только полумессиянский

идеализм, но и гораздо более жизненное отношение к современности. В отличие от Европы, американцы не отринули идею популярной культуры»²⁴.

Партии и государство

Конец XIX века стал «золотым» для политических партий. Их организационные структуры и внутренняя дисциплина были наивысшими за всю американскую историю, как и явка на выборы, доходившая до 82%.

Героическое наследие Гражданской войны, прочная финансовая поддержка со стороны бизнеса, протестантской церкви позволяли республиканцам во второй половине XIX-начале XX века оставаться партией большинства. После ее окончания, в период реконструкции «великая старая партия», как стали называть республиканцев в конце XIX века за былые заслуги времен Гражданской войны, все больше превращается в партию бизнеса, в оплот консерватизма социал-дарвинистского толка (в борьбе за существование в человеческом мире побеждает сильнейший), главную сторонницу свободного предпринимательства. Электорат республиканской партии состоял тогда из мелких и крупных предпринимателей, значительной части рабочего класса – особенно, его привилегированных слоев, – других лиц наемного труда и фермеров. Ей отдавали предпочтение американцы английского, шотландского, валлийского, норвежского, шведского происхождения, принадлежавшие к различным деноминациям протестантской церкви. Демократами считали себя большинство недавних иммигрантов-католиков из Ирландии, Германии, стран Восточной Европы, лютеран – выходцев из Голландии, Норвегии, Германии. Афроамериканцы, составлявшие главную опору республиканской партии на Юге в период Реконструкции, после ее завершения стали играть все меньшую роль в ее коалиции. «Великая старая партия» имела наиболее прочные позиции в Новой Англии, а также в среднеатлантических штатах и на Среднем Западе. Штаты бывшей Конфедерации и пограничного Юга оставались главными бастионами демократов.

К концу XIX века, порывая с изначальной американской традицией изоляционизма, партия стала и главной носительницей идей экспансии. В последней четверти XIX в. крупные промышленные компании, значительно укрепившие свои позиции, все более настойчиво обращали взоры на внешние рынки сбыта и новые источники сырья. Экономические мотивы внешней экспансии, существовавшие и в эпоху свободного капитализма, в новых условиях

стали действовать с особой силой. Республиканское правительство Уильяма Маккинли начало в 1898 году войну за передел уже поделенного мира – против испанской монархии.

В начале XX века президент-республиканец Теодор Рузвельт – наследник гамильтоновской традиции – стал утверждать, что всемогущество корпораций означает угрозу для демократии: «Только национальное правительство может навести должный порядок в промышленности, что отнюдь не равнозначно централизации. Это лишь признание того очевидного факта, что процесс централизации уже охватил и наш бизнес. Контроль за этой безответственной и антиобщественной силой может осуществляться в интересах всего народа лишь одним способом – предоставлением надлежащих полномочий единственному институту, способному ими воспользоваться – федеральному правительству». Тедди Рузвельт стал первым президентом, предпринявшим антикризисные меры. В период банковской паники 1907 года администрация понизила учетную ставку и увеличила эмиссию для помощи банковской системе. С именем Теодора Рузвельта связана и новая интерпретация «доктрины Монро», которая использовалась для оправдания права США пускаться в ход «большую дубинку» в Латинской Америке. Экономический экспансионизм обрел свое воплощение при президенте Уильяме Тафте в концепции «долларовой дипломатии», предлагавшей завоевание Соединенными Штатами стратегических позиций в мире путем использования, прежде всего, финансовых инструментов.

Перед Первой мировой войной уже существовала детально разработанная концепция государственного вмешательства в экономику как инструмента, не сковывающего демократию, а, напротив, защищающего ее от частных интересов. Война сама по себе укрепила такое понимание – никому не приходило в голову искать ответы в доктрине нерегулируемого рынка, когда на карту были поставлены судьбы мира и, не в последнюю очередь, самих Соединенных Штатов. Теперь уже демократическая администрация Вудро Вильсона расширяла военное производство, осуществляла контроль над производством и распределением продовольствия, регулировала частные инвестиции и даже национализировала железные дороги, телеграф и телефонную сеть. Вильсон был первым президентом, который предложил широкую внешнеполитическую повестку дня для всего человечества. США впервые применили свои войска за пределами Западного полушария, вступив в Первую мировую войну на стороне Антанты. По окончании войны столкнулись группировки изоляционистов и «интернационалистов»,

которые представляли собой сложные образования, но, с известными оговорками, республиканская партия стала опорой сторонников изоляционистского курса, а идеи «интернационализма» – активной международной роли США – получили наибольший отклик в среде демократов.

Период «просперити» в 1920-е годы пришелся на время пребывания у власти консервативных республиканских администраций – Уоррена Гардинга, Кальвина Кулиджа, Герберта Гувера, которые вошли в историю как последовательные проповедники индивидуалистических принципов. «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для Америки!» – стало лозунгом эпохи. Максимум государственного вмешательства – помощь в «саморегулировании бизнеса». Именно вера во всемогущество нерегулируемого рынка стала одной из главных причин биржевого краха на Уолл-стрит в 1929 году, за которой последовала самая глубокая в истории капиталистического мира Великая депрессия, которая заставила многих американцев усомниться в «исключительности» их страны. «Депрессия нанесла мощный удар по уверенности Америки в уникальности своей цивилизации, – подчеркивал авторитетный историк У. Лейхтенберг. – Трудно было проследить разницу между хорошей судьбой Америки и нищетой Европы, когда Соединенные Штаты были обладателями множества социальных болезней, которыми, как давно полагали, был заражен лишь Старый Свет»²⁵. Страницы газет, выступления общественных деятелей были заполнены мрачными предсказаниями «упадка американского величия», сомнениями в совершенстве общественной системы США. Экономические проблемы поглотили Соединенные Штаты. Но даже когда в 1931 году уровень безработицы в США достиг 25%, президент Герберт Гувер отказывался от поддержки занятости: «Единственной функцией правительства является сейчас создание условий, которые благоприятствовали бы развитию частного предпринимательства»²⁶.

Результатом такой политики стал катастрофический провал республиканцев на выборах 1932 года, которые привели к власти Франклина Делано Рузвельта, выступавшего с прямо противоположных позиций, доказывая необходимость активизировать государственное вмешательство для стимулирования экономики и решения социальных проблем. «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, – пояснял Рузвельт, – а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не

только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями ее народного хозяйства»²⁷. Президентство Рузвельта, который переизбирался 4 раза, положило начало новой эре американской политики, основными чертами которой стали тенденция к усилению роли государства и долгосрочное доминирование демократической партии. Следует подчеркнуть, что Рузвельт считал государственное вмешательство лишь антикризисной мерой. Его «Новый курс» заложил основы новой либеральной политики с ее упором на увеличение роли государства как стимулятора производства, внесение встроенных элементов госрегулирования. Политэкономическим фундаментом политики стало кейнсианство, предполагавшее правительственное регулирование совокупного спроса в соответствии с конкретными условиями динамики конъюнктуры. В 1944 году Рузвельт предложил так называемый «Экономический билль о правах», где целями государственной политики объявлялись гарантии права на работу, достойную заработную плату, права на жилье, медицинское обслуживание, образование, социальное обеспечение в случае болезни, безработицы, старости. Именно во времена Рузвельта начала получать практическое воплощение доктрина социальной ответственности государства.

Покончив с традицией изоляционизма, Рузвельт вступил во Вторую мировую войну, что стало тем рубежом, за которым Соединенные Штаты превращались в сверхдержаву, уже не только экономическую, но и военную (особенно, с обретением в 1945 году ядерной монополии), и политическую. В 1950 году на США приходилось 39 процентов мирового ВВП и 80 процентов мирового выпуска автомобилей. Американская политическая модель, основы конституционного строя США все более активно заимствовались различными странами. Ценности американского образа жизни и массовой культуры проникали во все поры мирового социума. Причем это происходило даже в тех странах, которые, казалось, прочно ограждены от западных веяний «железным занавесом». США явились тем локомотивом, который потянул другие государства в эру научно-технической революции. Представления о мессианской роли США находили все большее подкрепление в повседневной жизни.

В годы президентства Рузвельта произошла партийно-политической перегруппировки, которая превратила уже демократов в партию большинства. В сознании избирателей укрепился образ демократов как «спасителей» страны от «великой депрессии», а затем – и фашизма, как партии наиболее способной обеспечить социальную

справедливость и устойчивое развитие экономики. Сложившаяся на этой основе широкая избирательная коалиция левоцентристского толка с главной опорой на городские промышленные центры Севера и однопартийный Юг надолго обеспечила демократам устойчивое доминирование. Крутую переориентацию претерпела негритянская община США, для которой практическая притягательность социального законодательства «нового курса» оказалась сильнее традиционной приверженности «партии эмансипации» негров. В 30-е годы в политическую жизнь все активнее вовлекались широкие слои рабочего класса, фермерства, городской бедноты, также ориентировавшиеся на демократов. На какой-то период лишь большинство зажиточного населения составляло опору «великой старой партии». В конгрессе 75-го созыва (1937-1939 годы) число принадлежавших им мест в палате представителей составляло 21%, а в сенате - 17%. Однако постепенно партия укрепляла свои позиции, приблизившись к состоянию паритета с демократами после выборов 1942 года, хотя республиканцы оставались партией меньшинства в смысле долговременных лояльностей электората. Им отдавали предпочтение большинство крупных и мелких предпринимателей, верхушка «белых воротничков», зажиточные фермеры, лица с высоким уровнем доходов и образования, протестанты, жители аграрных районов севера Среднего Запада. Отставание в уровне общественной поддержки республиканцы компенсировали гораздо более существенными финансовыми возможностями (за них до сих пор голосует до 90% крупного бизнеса) и превосходящей организацией. Либералы – причем не только в США – всегда отстают по части организации. Превосходящие организационные усилия и финансовые возможности обуславливали преимущество «великой старой партии» в привлечении ресурсов специализированных фирм политического маркетинга, в координации деятельности местных организаций.

Социально-демографические сдвиги 1960-80-х годов – усиление влияния «молодого» бизнеса Юга и Запада и опережающий рост населения в этих районах, неуклонное увеличение численности зажиточного среднего класса – способствовали сокращению разрыва между республиканцами и демократами в степени электоральной поддержки. В первую очередь, за счет избирателей некогда монополю демократического Юга, где рост симпатий к «великой старой партии» стимулировался переселением в этот быстро развивающийся в экономическом отношении регион выходцев из других штатов и массовым исходом негров в города Севера.

Сказалось и недовольство белых южан либерализмом национального руководства демократов в года президентства Джона Кеннеди и Линдона Джонсона в расовом вопросе.

Продолжение следует

Примечания

17 В.О.Печатнов. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 15.

18 Henry Jones Ford. The Rise and Growth of American Politics. N.Y., 1898. P. 203.

19 Роджер Осборн. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 557

20 Niebuhr R., Heimert A. A Nation So Conceived: Reflections on the History of America from Its Early Visions to Its Present Power. N. Y., 1963. P. 126

21 Дэниел Макинерни. США. История страны. М., 2011. С.337.

22 Роджер Осборн. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 576-577

23 Роджер Осборн. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 580-582

24 Роджер Осборн. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 596-597

25 Leuchtenburg W. The Great Depression// The Comparative Approach to American History. P. 297

26 Herbert Hoover. State Papers and Other Public Writings / Ed. By W.S. Myers. N.Y., 1934. Vol. 2. P.8-9.

27 Franklin D. Roosevelt. Public Papers and Addresses. 1928-1932. N.Y., 1938. P.782.